

Накануне серьезных испытаний (кон. 1920-х – 1941 гг.)

Со второй половины 1920-х гг. основная проблема гуманитарного образования состояла уже не столько в отсутствии специалистов, сколько в том, что сами занятия становились все более схоластичными и далекими от научно-исследовательских задач университетского образования. Этот процесс, связанный с университетской «реформой», приводил к снижению преподавательской востребованности историков «старой» школы, которые «учили источникам». Отторжение профессионалов от учебного процесса провоцировало и разделение студенческой аудитории: одна часть продолжала традиции дореволюционной науки, сохранявшиеся и «контрабандно» доходящие до них от историков петербургской школы, а другая – все больше превращалась в догматиков и неосновательных интерпретаторов исторических фактов и явлений

Выпуски университетской газеты «За пролетарские кадры» 1931 года с публикациями, осуждающими «антимарксистскую» научную и педагогическую деятельность С.Н. Чернова, П.Г. Любомирова, А.А. Гераклитова, С.И. Протасовой.

Положение осложнялось усилением гонений в отношении «старых» специалистов. Особенно жестко научное «охранительство» заявит о себе в 1928–1931 гг., в период подготовки к так называемому «Академическому делу» и общих репрессий в отношении научной и технической интеллигенции. Именно в эти годы вынуждены будут навсегда проститься с Саратовом такие яркие научные деятели, как С.Н. Чернов, В.А. Бутенко, П.Г. Любомиров, С.И. Протасова, П.А. Аргунов, Е.Н. Кушева и др. Официальным обоснованием их изгнания будут названы неверные методологические принципы и отход от идеологической догмы – марксизма-ленинизма.

В атмосфере тяжелого идеологического удушья, нависшей над университетом в 1920-е гг., работать с полной отдачей сил питомцам дореволюционной исторической школы становилось все сложнее и сложнее. О внутрифакультетской напряженности сообщалось, например, в письме Н. К. Пиксанова С. Ф. Платонову от 10 октября 1920 г.: «в нашем кляузном факультете, изготовлена новая гадость: историки лишены права посещать его заседания — под предлогом отсутствия якобы «поручения». После этого эпизода я подсчитал в скольких высших учебных заведениях я преподавал; оказалось — в 9-ти. И вот, нигде я так тяжело не чувствовал себя, как в филологическом факультете Саратовского Университета. Чем дальше, тем это невыносимее. Хочется бежать куда угодно, в Томск, в Пермь, в Кострому. Как о чем-то виденном во сне вспоминаю о прежней работе в Петрограде, хотя там был не больше как «преподавателем» или приват-доцентом. Постоянно ищу мыслью, куда бы деться, и, право, петроградское и московское недоедание ничто перед тяготами факультетских интриг в Саратове».

В конце 1920-х гг. машина идейно-политического натиска на историков «старой» школы все больше и больше набирала обороты. Об этом свидетельствуют, в частности, строки из письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г.:

«...о, если бы Вы знали, как безумно горько в Университете! Там с новою силою назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и сношений, — но сильно опасуюсь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Меерсон!) требует ведения практических занятий не по

источникам, а по литературе — с привлечением источников лишь для иллюстрации... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное хранение в Университете духа научности! И параллельно с ростом “методических” требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов. Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...». Теми же тревожными думами весной 1929 г. с душевным нескрываемым волнением делился со своим учителем и П. Г. Любомиров. «Чувствуешь, что за каждым твоим шагом следят с подозрением, каждое слово встречают недоверием. И даже не столько студенты, сколько начальство. Не чувствую, — признавался он, — чтобы мне удалось дойти до ума студентов, добиться принятия того, что я говорю, чему учу. В некоторых группах есть необходимое доверие. Другие настроены легкомысленно безразлично. Но тяжелы насупленные взоры из-под лобья, выводят из себя записки с целью уловить тебя в каких-нибудь противоречиях догме. И трудно побороть это, когда воздействие против идет за твою спиной, или когда власть имущие открыто стараются уличить тебя в неблагонадежности».

Опасения ученых оказались пророческими. После обыска у П. Г. Любомирова, произведенного ОГПУ по Нижне-Волжскому краю 2 ноября 1930 г., он и находившийся в то время в его квартире С. Н. Чернов были арестованы. Полмесяца провели они в саратовской тюрьме, после чего были освобождены без каких-либо последствий, но подозрительные взоры в свою сторону историки ощущали до конца жизни. Участь многих ярких представителей саратовской гуманитарной науки, являвших собой цвет и гордость факультета на раннем этапе его существования, сложилась неодинаково. Кто-то из них (С. Л. Франк, М. Р. Фасмер, Н. С. Арсеньев, Ф. В. Баллод), расставшись с Саратовским университетом, вскоре эмигрировали за рубеж. Другим (В. М. Жирмунский, С. В. Меликова, П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов) пришлось переехать в другие города и, пройдя сквозь многие преграды, уже там включиться в привычный для себя ритм научной и педагогической работы.

Но были среди саратовской профессуры и такие, которых жестокий рок преследовал буквально по пятам, где бы они ни находились. Одним из первых ощутил на себе его коварный удар С. Н. Чернов. Лишенный профессорской должности, он был изгнан из университета едва ли не с «волчьим билетом».

На заседании университетского Правления 16 февраля 1928 г. В. В. Буш открыто обвинил С. Н. Чернова в том, что его преподавание «поставлено не на диалектической основе», добавив при этом, что и сам он вряд ли отвечает «условиям требований, предъявляемых к современной Высшей школе, почему устранение из университета проф. С. Н. Чернова необходимо. И что деканат в ближайшее время намерен этот вопрос поставить еще шире». Среди других

членов Правления, присутствовавших на этом злополучном заседании, несогласных с данным вердиктом, увы, не оказалось. «Что касается причины, повлекшей за собою столь быструю и столь решительную расправу со мною, — свидетельствовал по этому поводу С. Н. Чернов, — то, по категорическому заверению разных чинов в Главпрофобра, и мне и П. С. Рыкову, она не в каких-либо директивах сего учреждения, а в настроениях местной власти; Ал. Ив. Некрасов пояснил мне, что в особую вину мне поставлена речь на прошлогодней конференции научных работников в Саратове». Касаясь того же вопроса в письме к С. Ф. Платонову от 4 марта 1928 г., ученый с видимой безысходностью констатировал: «Попечительное начальство» решило участь мою: ГУС во вторник признал — так мне передали, а выписки из протокола у меня еще нет, — признал, что моя работа в Саратовском Университете должна прекратиться. Правда, не все так определяют постановление ГУСа, но так его определил осторожный и уклончивый В. П. Волгин. Надо сказать, что ГУС облёк свое решение в блестящие одежды: он очень осудил тогда действия Правления нашего Университета, дал мне командировку на 6 месяцев и будто бы даже признал нашего фактического ректора С. З. Каценбогена неподходящим быть настоящим ректором в виду несомненного наличия крупных дезорганизаторских способностей, а по моему адресу — наговорил всяких сочувственных слов. Но, тем не менее, фактически осуществил все домогательства гг. Каценбогенов и убрал меня из Саратовского Университета.

Так как в формулировке гусовского решения есть маленькая недоговоренность — сужу об этом, впрочем, исключительно по передачам, — я может быть, еще попробую спорить, но никаких устойчивых надежд у меня уже нет». Но силы в этой борьбе изначально оказались неравными. К тому же, как замечал опальный историк, «объективно мое и Университета положение испортил своею торопливою отставкою Вадим Аполлонович [Бутенко]. Если бы не она, бороться было бы легче. Но... Беда с этими нервными людьми...». Осенью 1928 г. С. Н. Чернов был вынужден окончательно расстаться с университетом и уехать из Саратова, после чего его дальнейшая жизнь и научная судьба были связаны с Ферганой, Горьким и Ленинградом. Основным пристанищем ученого в последние годы стало Детское Село (г. Пушкин), где он и скончался от голода 25 декабря 1941 г. За всю свою непродолжительную, но удивительно насыщенную событиями жизнь, талантливым исследователем было создано много ценных научных трудов, посвященных различным проблемам истории России периода феодализма, истории Саратовского края и Нижнего Поволжья. При этом особенно значительных результатов он достиг в изучении истории русского освободительного движения от преддекабристской эпохи до начала XX века. Правда, у творческого наследия С. Н. Чернова, как и у него самого, сложилась нелегкая, больше того, трагическая судьба. Помимо научных сочинений, увидевших свет еще при жизни автора, немалое их число продолжало оставаться в виде или уже подготовленных к печати рукописей, или незавершенных набросков будущих эссе и публикаций, которые в период немецко-фашистской оккупации г. Пушкина оказались безвозвратно утеряны. Что случилось с ними, а также с богатейшей библиотекой и личным архивом ученого, неизвестно. Уцелеть в жерновах войны каким-то чудом удалось лишь малой толике бесценного научного сокровища.

Не до конца в литературе выяснен также и вопрос об оставлении саратовской профессуры П. Г. Любомировым. Но одно, благодаря свидетельству С. Н. Чернова, известно абсолютно точно: расставание ученого с университетской кафедрой «...ни в малейшей степени не было добровольным; наоборот, П. Г. энергичнейшим образом боролся за то, чтобы продолжить работу в Саратове». И

далее С. Н. Чернов указывает на основную причину этой метаморфозы. По его мнению она «...коренилась в глубоком различии между основной постановкою всей преподавательской деятельности П. Г. и тем сугубо практическим уклоном, который был придан всей работе педагогического факультета Саратовского университета, в частности и в особенности его общественно-педагогического отделения, заменившего старое историческое отделение факультетов историка филологического и общественных наук: П. Г. не только продолжал строить все свое преподавание так, чтобы оно выковывало из студента человека, способного вести научно-исследовательскую работу, но и настаивал на том, что то же обязаны делать и его товарищи по отделению, факультету и Университету, в то время как фактическое руководство Университета в целом (проф. С. З. Каценбоген) и факультета (проф. В. В. Буш) настойчиво утверждало, что педагогический факультет — а в том числе и его общественно-педагогическое отделение — должны ограничиться подготовкою педагогов — и только. При этом совершенно убедительные и всегда торжественные ссылки П. Г. на § 1 Университетского устава, утверждающий его понимание задач Университета и педагогического факультета, с его категорическими заявлениями, что пока этот § не отменен и он, и все товарищи и в целом весь факультет и Университет обязаны ему следовать, руководство университета и факультета отводило ссылки на инструкции и т. д. ГПФ НКП. Совершенно несомненно, что названное руководство чрезвычайно упрощало директивы ГПФ — обстоятельство тем более естественное, что сначала фактический, а потом и официальный руководитель Университета проф. С. З. Каценбоген, при всех своих больших дарованиях в области хозяйства и администрации, несомненно, совсем не был сколько-нибудь значительным научным работником и сам своим преподаванием едва ли удовлетворял требованиям § 1 Университетского устава. Это делало названное большое расхождение между П. Г. и университетским руководством все определяющим. Конечно, это расхождение быстро обросло другими, — может быть, более чем оно, острыми, но, во всяком случае, принципиально гораздо менее его значительными. Сложившаяся крайне тяжелая для П. Г. и его работы атмосфера продержалась несколько лет, пока весной 1932 г. не разразилась для него тяжелою катастрофою, в результате которой руководство Университета и факультета получило полную возможность довести до конца свое дело упрощения инструкций ГПФ НКП».

Парадоксально, но особенно ревностно над изгнанием из стен Саратовского университета духа свободной научной мысли и разрушением его гуманитарного (педагогического) факультета, в составе которого с 1922 г. находилось историческое (общественно-экономическое) отделение, потрудился не кто иной, как бывший в 1927–1931 гг. деканом педфака, специалист по истории русской литературы XVI–XVII вв., профессор *Владимир Владимирович Буш (1888–1934)*.

Понять истинные мотивы неблагоприятных деяний В.В. Буша, зная его «общественно-политическую биографию», думается, не сложно. Стремление всегда оставаться на верхних ступенях иерархической пирамиды власти, пользуясь ее привилегиями, и боязнь ненароком лишиться всего этого из-за своего мелкобуржуазного происхождения, заставляло его постоянно оглядываться в прошлое и вспоминать собственные «политические заблуждения». Из собственноручно написанной им автобиографии видно, что к безоговорочному принятию большевистской власти В.В. Буш пришел не сразу. Поначалу он «Октябрьскую революцию не понял: мелкобуржуазная

идеология, будучи в плену идеологии буржуазной, продолжала делать ставку на буржуазно-демократический парламентский строй, который должен быть установлен Учредительным собранием». Более того, работая в Российской книжной палате, он вместе с другими ее сотрудниками примкнул «к саботажу, охватившему подавляющее большинство буржуазной интеллигенции», за что даже «был арестован Ч.К., но быстро освобожден (15–20 дней в декабре) без предъявления <...> каких-либо обвинений». Только после этого В.В. Буш «...решительно включился в советскую работу на основе *сознательного* понимания и принятия принципа Октябрьской революции – диктатуры пролетариата».

Всю последующую жизнь он рьяно доказывал новой власти свою абсолютную лояльность и преданность. Наиболее заметно это проявилось в его работе по организации Ташкентского университета, протекавшей, по словам В.В. Буша, «в атмосфере напряженной борьбы за высшую школу на новых началах, в борьбе против остатков старых академических традиций и в борьбе за реорганизацию истор[ико]-филол[огического] факультета в педагогический». То же самое наблюдалось и в период его службы в Саратовском университете, где в течение шести с половиной лет (с конца 1924 г. по март 1931 г.) он все также «вел решительную борьбу с реакционной частью профессуры и принимал деятельное участие в пролетаризации ВУЗ'а».

* * *

В период с 1931 по 1935 г., в связи с образованием на базе педагогического факультета с входившим в него историческим отделением самостоятельного института, подготовка специалистов-историков в Саратовском университете не велась. Благоприятные условия к восстановлению исторического образования в Саратове возникли лишь после обнародования постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», один из пунктов которого гласил: «В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории восстановить с 1 сентября 1934 года исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов». На основании этого документа в 1934/35 учебном году в двух крупнейших университетах страны возобновили свою деятельность исторические факультеты с контингентом учащихся в 300 человек. Летом 1935 г. Саратовский Обком ВКП (б) и облисполком обратились в правительство с ходатайством об учреждении аналогичного факультета в Саратове. И уже 8 сентября того же года наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым соответствующий приказ был подписан. Так, третьим в РСФСР (после МГУ и ЛГУ) и первым на периферии в 1935 г. был создан, а по существу – восстановлен исторический факультет в Саратовском университете.

«Подготовительные работы к фактическому осуществлению постановления об открытии истфака были проведены ускоренными темпами: с 11 сентября был объявлен прием студентов и с 16 сентября начались занятия, правда, лишь для одной группы. С 1 октября были организованы занятия и остальных 3-х групп...»

Как следует из воспоминаний Р.А. Таубина, на историческом факультете Саратовского университета, после его восстановления, «было развернуто пять исторических кафедр: истории древнего мира, истории средних веков, нового времени, зависимых и колониальных стран и истории [народов] СССР. Кафедры основ марксизма-ленинизма, философии, политэкономии были общеуниверситетскими». Для нормального функционирования учебно-образовательного процесса университетской администрации предстояло решить

массу неотложных вопросов. Прежде всего, необходимо было озаботиться подбором квалифицированного преподавательского состава, в связи с чем к работе на истфаке были привлечены: П.С. Рыков и И.В. Сеницын (археология), В.Н. Охочимский и Г.С. Зайдель (всеобщая история), В.А. Осипов и Р.А. Таубин (история СССР), Ф.С. Большов и А.А. Комков (философия), С.Д. Альфиш (политическая экономия) и др.

«В настоящее время, – подчеркивал в 1935 г. профессор П.С. Рыков, – на факультете преподают 4 профессора, 1 доцент, 3 ассистента и 3 преподавателя по языкам. Число студентов – 110 чел[овек], причем из них 65 чел[овек] принадлежат к партийно-комсомольской группе, а по социальному происхождению 76 чел[овек] относятся к рабочей и крестьянско-колхозной группам».

Из-за отсутствия своего помещения занятия по всем историческим дисциплинам проводились на первых порах в аудиториях I, II и III учебных корпусов СГУ. Но уже «ко второму полугодью истфак получил новое помещение на углу Ленинской [ныне – Московской] и Радищевской улиц. Студентам и преподавателям оно показалось хоромами. Просторно, чисто, уютно. А главное – свое собственное здание, в центре города, с выходом на две главные улицы», – вспоминал бывший студент, а впоследствии профессор исторического факультета СГУ С.А. Соколов.

От преподавательского состава довоенного истфака, вначале немногочисленного, подобранного из сотрудников саратовских вузов и пополненного затем москвичами и ленинградцами, во многом зависел успех и будущий статус саратовской исторической науки, судьба факультета и его воспитанников. Однако основной груз ответственности за работу по укреплению учебной базы и обеспечению факультета научно-педагогическими кадрами целиком возлагался на плечи его деканов.

Первым руководителем возрожденного исторического факультета Саратовского университета был назначен видный советский археолог, краевед и организатор музейного дела, профессор *Павел Сергеевич Рыков (1884–1942)*.

Родился он 7 октября 1884 г. в Москве. По окончании московской 4 гимназии, поступил в Московский университет на историческое отделение историко-филологического факультета. В январе 1910 г., завершив курс университетского обучения, сдал государственные экзамены, а в сентябре защитил в Московском археологическом институте диссертацию на звание «ученого археолога», после чего был избран в состав его действительных членов. Затем занимался археологическими работами в Курске, Вильнюсе, Витебской губернии. С 1917 г. работал в г. Ступине Рязанской губернии в

системе органов народного образования и музейного строительства, одновременно продолжая археологические исследования.

24 сентября 1920 г. П. С. Рыков был избран доцентом и заведующим кафедрой археологии Саратовского университета. Здесь же он сдал магистерские испытания и в 1922 г. был утвержден в звании профессора. С 1923 г. П. С. Рыков являлся заместителем декана, с 1924 по 1927 г. — деканом педагогического факультета, а с 1927 по 1932 г. — заместителем ректора Саратовского университета.

В 1921–1922 гг., в результате начатых им археологических раскопок и разведок в районе Саратова и Покровска, а позже в окрестностях Хвалынска, «были обнаружены многочисленные памятники различных эпох, начиная от древнеямной культуры и кончая поздним средневековьем». В 1924 г. детальному обследованию впервые подвергся большой курганный могильник у села Суслы

Саратовской области, давший уникальный материал по сарматской культуре. Так же интенсивно велись в последующие годы археологические раскопки и в других местностях края. Итогом всех полевых работ становились, как правило, интереснейшие музейные экспозиции и обстоятельные научные доклады самого П. С. Рыкова, с которыми он нередко выступал в археологической секции Саратовского общества краеведения. Об одном из таких выступлений ученого с восторгом отзывался однажды его коллега по университету профессор А. А. Гераклитов.

Оценивая доклад П. С. Рыкова о результатах раскопок древнего могильника около села Армиево Кузнецкого уезда, которые он произвел со своими сотрудниками летом 1926 и 1927 г., А. А. Гераклитов писал: «Это сообщение, которое профессор назвал предварительным, было особенно любопытно и дорого потому, что было в помещении, стены, полки и витрины которого были увешаны и заставлены наиболее интересными предметами, добытыми при

раскопках, и собравшиеся послушать доклад могли своими глазами видеть то, о чем говорил докладчик и наглядно убеждаться в правильности его утверждений». И далее, касаясь сути прозвучавшего доклада, отмечал: «Могильник около села Армиево очень велик. Его много лет уничтожают распашкой земли под посев хлеба, большой кусок кладбища омыт весенними водами, но все же и теперь там, по мнению проф. Рыкова, не менее 600-700 могил, из которых гораздо больше ста раскопал он за два года. Раскопки дали много сот предметов домашнего обихода и особенно женского украшения, которые через сравнение с другими вещами из других мест дают нам возможность: во-1-х) точно сказать, когда жили те люди, которые хоронили своих покойников на Армиевском кладбище; во-2-х) узнать, что это был за народ и в-3-х) хоть немного заглянуть в культуру и хозяйственную жизнь этого народа».

Блестящий педагог, умелый организатор и руководитель археологических экспедиций, П. С. Рыков воспитал и подготовил к самостоятельной научной деятельности целую когорту молодых талантливых ученых. Среди его учеников особенно выделялись своим дарованием и целеустремленностью Н. К. Арзютов, А. Н. и Е. Н. Кушевы, П. М. Козин, Т. М. Минаев, П. Д. Рау, П. Д. Степанов и И. В. Сеницын.

Личная же судьба П. С. Рыкова сложилась весьма трагично. В середине августа 1937 г. он был арестован. А 24 января 1939 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства», постановлением закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к 10 годам заключения, с местом отбытия срока во Владлаге, близ города Владивостока. Там он и умер 26 марта 1942 г., так и не дождавшись пересмотра своего дела, о чем не раз обращался с ходатайством и в Верховную прокуратуру СССР, и лично к И. В. Сталину. Только в 1956 г., спустя 14 лет после смерти, П. С. Рыков был полностью реабилитирован. О его выдающихся заслугах смогли вновь в полный голос заговорить не только

саратовцы — ближайшие преемники его научно-археологической деятельности, но и многие другие российские и зарубежные исследователи.

Замечательный педагог, умелый организатор и руководитель археологических экспедиций, П.С. Рыков воспитал и подготовил к самостоятельной научной работе целую плеяду молодых талантливых исследователей. Большим дарованием и целеустремленностью из его учеников особенно выделялись: Павел Давыдович Рау (1897–1930), Николай Константинович Арзютов (1899–1942), сестры Кушевы — Анна Николаевна (1897–1991) и Екатерина Николаевна (1899–1990), П.М. Козин, Татьяна Максимовна Минаева (1896–1973), Павел Дмитриевич Степанов (1898–1974) и Иван Васильевич Сеницын (1900–1972).

Личная судьба П.С. Рыкова сложилась трагично. В августе 1937 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП (б) и Советского правительства», он был арестован. Через полтора года постановлением закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР от 24 января 1939 г. его приговорили к десяти годам заключения с отбыванием наказания во Владлаге, близ г. Владивостока. Умер П.С. Рыков 26 марта 1942 г., так и не дождавшись пересмотра своего дела, о чем не раз обращался с ходатайством и в

Верховную прокуратуру СССР, и лично к И.В. Сталину.

Политические репрессии 1930-х гг., лишив факультет лучших его научных деятелей (Д.Б. Рязанов, Г.С. Зайдель, В.Н. Охоцимский, П.С. Рыков, Ф.С. Большов, А.И. Доватур и др.), нанесли серьезнейший урон развитию всей саратовской исторической науки.

Печальную участь своих учителей разделили и многие воспитанники истфака, в том числе ученики и последователи П.С. Рыкова — П.Д. Рау, Н.К. Арзютов и Т.М. Минаева.

В этот трагический для факультета период, временно (с 1938 по 1939 г.) возглавить его работу поручено было кандидату исторических наук, доценту (с 1938 г. — профессору) *Рафаилу Абрамовичу Таубину* (1906–1976).

До вступления в новую должность он с 1935 по 1938 г. являлся заведующим кафедрой истории народов СССР. Несмотря на молодость, в первые же годы после возрождения кафедры Р.А. Таубин сумел придать ее облику прежнее, казалось, навсегда утраченное значение. Были возобновлены и с учетом новых запросов советской исторической науки продолжены многие начатые еще в 1920-е гг. научно-исследовательские работы. Как и раньше сотрудниками кафедры активно стали разрабатываться вопросы по археологии Нижнего Поволжья, истории Саратова и Саратовского края, изучаться жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского, история русского крестьянства в эпоху феодализма, а также проблемы методологии истории и историографии.

Исследовательские интересы самого Р.А. Таубина относились, главным образом, к области изучения проблем общественного движения в России в 50-е гг. XIX в. и научного краеведения. Его внимание привлекали как сюжеты исторической биографии, так и страницы из истории гражданской войны в Поволжье.

Новому декану «...довелось возглавить факультет и работать преподавателем в очень тяжелое время “большого террора”. Во всех дошедших до нас документах, – подчеркивал профессор Г.Д. Бурдей, – он выступал громовержцем и активнейшим борцом против “врагов народа”. Но и ему не удалось избежать наказания за недостаточное усердие. Поскольку инакомыслящие чаще всего изымались на историческом факультете, Таубину приходилось выступать сокрушителем “крамолы”, в роли лидера правдолюбцев, быть у всех на виду. В этой обстановке даже партийный выговор был для него во благо. <...> Когда “большой террор” достиг своего пика, декан – первое лицо на факультете – обязан был возглавить, и возглавил борьбу за “чистоту” студенческих и преподавательских рядов. Иного ему не было дано. <...> Выступая на партсобрании 26 декабря [1940 г.], Таубин скажет: “Я выполнял генеральную линию партии, и никогда не примыкал ни к каким группам. Я всегда считал нужным высказывать свои принципиальные взгляды”».

В дальнейшем, уже после Великой Отечественной войны, ученый работал в Ульяновском педагогическом институте, защитил докторскую диссертацию по проблемам общественно-политического движения в России XIX в., продолжал установившиеся до войны научные контакты с Институтом истории СССР АН СССР, с группой по истории революционной ситуации, которую долгие годы возглавляла академик М.В. Нечкина.

В 1939–1940 гг. историческим факультетом Саратовского университета руководил заведовавший с 1938 г. кафедрой истории нового времени, доцент *Борис Саулович Зевин (1901–1941)*.

Свою самостоятельную трудовую деятельность он начал в марте 1918 г., когда без отрыва от учебы в школе 3-й ступени поступил контролером в пекарню. В сентябре того же года семнадцатилетним юношей Б.С. Зевин вступил в партию левых социалистов-революционеров, а через месяц – в РКП (б) и Красную Гвардию. Участвовал в боях на Южном (врангелевском) и Туркестанском фронтах.

Демобилизовавшись в 1926 г., одно время он работал в главном управлении по делам литературы и искусств Самарканда, затем заворгом Окружкома КП(б) Турым (Ашхабад) и членом коллегии Наркомпроса Турым ССР. С 1935 г. Б.С. Зевин – слушатель Курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б). Два с половиной года учился потом на историческом отделении Института красной профессуры (ИКП) и одновременно – в 1936/37 учебном году – преподавал в Высшей и Московской областной школе пропагандистов, а также читал курс лекций по новой истории в Московском коммунистическом институте журналистики и права.

С 5 марта 1938 г., после ликвидации ИКП и направления Б.С. Зевина в распоряжение Саратовского Обкома ВКП (б), жизнь и деятельность его полностью оказались связаны с

историческим факультетом Саратовского университета, где он сразу же занял «одно из почетных и ведущих мест». Богатый жизненный опыт помог ему, по мнению Л.А. Дербова, «...сделаться видным и авторитетным руководителем кафедры <...>, а позже деканом исторического факультета. Видимо, этим же определялась и его популярность как яркого и уважаемого студентами преподавателя, лектора, создавшего впервые в нашем вузе трудный и сложный лекционный курс новейшей истории, по которому в то время не было еще ни учебников, ни пособий».

Эту точку зрения подтверждают и ряд архивных источников, в частности, сохранившаяся в личном деле Б.С. Зевина копия его обращения в марте 1941 г. в ВАК с просьбой разрешить ему «представить для защиты на степень кандидата исторических наук 65 стенограмм <...> лекций, используемых в качестве учебного пособия». Получив на свой запрос положительный ответ – «...против предоставления в качестве диссертации стенограммы курса В[аших] лекций по новой истории Высшая Аттестационная Комиссия не возражает», – Б.С. Зевин не успел, однако, воспользоваться представившейся возможностью: уйдя добровольцем на фронт, он погиб в самом начале войны.

После оставления в 1940 г. Б.С. Зевиным поста декана исторического факультета, на эту должность была назначена кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов СССР *Тамара Лукинична Морозова (1909–2001)*.

Подобно своим предшественникам, руководить истфаком ей пришлось в период страшных сталинских репрессий. Противостоять, а тем более открыто бороться с тоталитарным режимом, отваживались считанные единицы. Большинство же людей – невольных свидетелей судебного произвола, молча переживая общую трагедию,

лишь украдкой осмеливались оказывать знаки сочувствия и сострадания попавшим в беду товарищам. Но для того времени даже такое «опосредованное» участие в судьбах обреченных современники расценивали как исключительно смелый и рискованный поступок.

К этой категории нравственно не сломленных граждан принадлежала и Т.Л. Морозова. Постепенно постигая азы административно-организационной работы, она, по оценке профессора Г.Д. Бурдея, «...проявила максимум собранности, жестко поставила вопрос о необходимости усиления дисциплины, повышения чувства ответственности. Когда читаешь ныне строки острых партийных решений того времени, как-то трудно представить нам, тогда еще беспартийным, нашего декана – миловидную женщину с голубыми глазами, такой воительницей, такой острой, смелой и решительной. <...> Однако и ей, – замечал бывший студент истфака, – при всем старании, удавалось делать далеко не все».

В годы Великой Отечественной войны Т.Л. Морозову направили на работу в отдел школ и науки Саратовского Обкома ВКП (б). Позже она жила в Москве, трудилась в Центральном партийном аппарате, поднимала отстающий колхоз и, наконец, будучи частым гостем в Институте истории СССР АН СССР, снова вернулась к научной деятельности.

Т.Л. Морозова дожила до глубокой старости, скончавшись в 2001 г. в возрасте 92 лет.

В период с 1937 по 1940 г. на историческом факультете Саратовского университета работала и некоторое время (1939–1940 гг.) заведовала кафедрой истории народов СССР профессор *Анна Михайловна Панкратова (1897–1957)*.

Ее приезд в столицу Поволжья, хотя и походил на административно-политическую ссылку, для местных историков явился очень важным событием, в корне изменившим их научно-исследовательскую и педагогическую жизнь. Будучи одним из ведущих советских историков, крупным ученым-общественником и организатором науки, А.М. Панкратова «щедро делилась со своими учениками и сотрудниками богатым опытом и знаниями, была инициатором всех научно-педагогических и общественно-политических начинаний на факультете. По ее инициативе, – вспоминал Л.А. Дербов, – при истфаке была организована аспирантура, велась интенсивная работа по повышению квалификации молодых преподавателей, защищались диссертации, печатались научные труды. <...> А.М. Панкратова в годы своего пребывания в Саратове завершила работу по подготовке к изданию известного всей стране школьного учебника по истории СССР, который потом выдержал более 20 изданий, был переведен на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран...»

По отзывам современников, А.М. Панкратова умела легко объединять вокруг себя работоспособных и талантливых исследователей, чему в немалой степени способствовали ее личные качества. Исключительная требовательность к себе и к

работам своих помощников, способность увлечь окружающих ее людей новой смелой идеей и постоянная готовность к самопожертвованию – все это подкупающее действовало на молодежь.

Предвоенный исторический факультет существовал в составе шести кафедр: истории народов СССР, истории

древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории колониальных и зависимых стран, археологии и этнографии. «Научная деятельность этих кафедр, – указывал Л.А. Дербов, – отражала потребности тогдашнего этапа развития советской исторической науки и охватывала актуальную проблематику. Саратовские историки работали над историей народов Поволжья и Саратовского края, занимались изучением наследия Н.Г. Чернышевского, проводили археологические исследования, разрабатывали темы по истории русского крестьянства, вопросы историографии и другие важные проблемы отечественной и зарубежной истории». В условиях отсутствия необходимых для высшей школы учебников и обобщающих научных работ, университетские ученые разрабатывали собственные учебные и методические пособия. Особое значение в это время «имели самостоятельно подготовленные курсы истории СССР советского периода (А.М. Панкратова), истории новейшего времени (Б.С. Зевин), истории колониальных и зависимых стран (А.М. Дубинский), русской историографии (А.Л. Шапиро)...».

В 1940 г. состоялся первый выпуск исторического факультета – из 52 студентов пятого курса 16 получили дипломы с отличием. Некоторая часть молодых специалистов-историков осталась работать на гуманитарных кафедрах в Саратовском университете (А.П. Васильчук, В.И. Ивакин, С.А. Соколов, П.А. Кузнецов, Н.Г. Гончаренко, П.А. Анохин), другие поступили в аспирантуру (В.А. Ермолаев, Н.В. Афанасьев, Н.Н. Мельников, В.М. Гохлернер). Многие из числа первых выпускников истфака впоследствии стали крупными дипломатами, военными деятелями, партийными и государственными служащими (В.Ф. Грубьяков, М.Ф. Кучмин, А.В. Щукин, Н.Ф. Кузьмин и др.)

Невзирая на трудности и невзгоды довоенной сталинской эпохи, исторический факультет Саратовского университета продолжал жить полной и насыщенной жизнью. Так продолжалось до начала Великой Отечественной войны, коренным образом изменившей условия работы не только саратовских историков, но и всей страны в целом.